

Глава 4. Бедность, доведённая до абсурда

Му Цинчжо не был человеком, не способным оценить доброту. Дуань Аньло спас его, да и дед лично назначил его крёстным отцом — следовало бы проявить уважение. Но тон, которым говорил Дуань Аньло, выводил из себя!

Он был всего на пять лет старше, а упорно лез в отцы.

И ладно бы, будь он отцом, так вёл бы себя соответственно! Хоть немного зрелости! Хоть каплю солидности, подобающей великому мастеру!

Но Дуань Аньло обращался с ним как с ребёнком.

В самом прямом смысле — играл с ним, как с несмышлёнышем!

Молодой господин Му стиснул зубы от досады, но ничего поделать не мог. Приходилось терпеть. И мысленно проклинать этого новоявленного «отца».

— Не назовёшь? — Дуань Аньло с притворным сожалением вздохнул и принялся убирать подарки обратно в мешок, причитая: — Какая жалость, что мой сын, с таким-то прекрасным лицом, после аварии навсегда останется со шрамом на брови. И девушка, которая ему нравилась, из-за этого шрама его бросит.

— Ещё печальнее то, что он сломает ногу и проведёт три месяца в инвалидном кресле. А когда его деда убьют, он всё ещё будет в больнице.

— И самое ужасное... он даже не сможет попасть на похороны собственного деда...

Лицо Му Цинчжо становилось всё бледнее. Неужели его ждёт такая судьба? Неужели с дедом и впрямь что-то случится?

Упаковав всё обратно, Дуань Аньло как бы невзначай вытащил талисман и с сожалением покачал головой.

— А деда в последнее время мучают кошмары. Он плохо спит, принимает успокоительное и в итоге умрёт во сне. Эх, такой хороший был человек.

— Замолчи! — не выдержав, оборвал его Му Цинчжо. — С моим дедом ничего не случится!

Дуань Аньло, на которого накричали, даже бровью не повёл. Его спокойствие было пугающим.

Под пристальным взглядом его светло-карих глаз Му Цинчжо мгновенно остыл.

После нескольких секунд колебаний он стиснул зубы.

— Крёстный... спаси моего деда.

Он сдался. Да что там «отец» — он готов был на колени пасть, лишь бы с дедом всё было в порядке.

Дуань Аньло остался доволен. Он снова вытащил подарки и один за другим всучил их своему дешёвому сыну.

— Не волнуйся. В знак уважения к тебе я обеспечу твоему деду долгую жизнь.

Му Цинчжо, ошеломлённый градом подарков, вдруг вспомнил слова Дуань Аньло: «Назвать меня отцом — себе не в убыток». И почему-то... возникло странное чувство, будто он и впрямь остался в выигрыше.

— Крёстный, а что насчёт моего деда и смерти моих родителей... гхм! — руки Му Цинчжо уже были заняты, и Дуань Аньло, недолго думая, сунул детоксикационную жемчужину прямо ему в рот.

Отличное место, точно не потеряет.

Му Цинчжо едва не стошнило. Она вообще чистая?! Кто её до меня в рот брал? Какая гадость!

— Советую проверить водителя твоего деда, — сдерживая смех, сказал Дуань Аньло. — Начни с него. И ещё, если не выкопать те цветы, твой дед не проживёт и месяца.

Сердце Му Цинчжо заколотилось, отдаваясь болью в недавно заживших ранах. Он понял. Вернётся — и сразу же выкопает!

Пока Му Цинчжо переживал, Дуань Аньло внезапно спросил:

— Эй, а сколько тебе лет?

— Восемнадцать.

— Девушка есть?

— Нет. — Сердце Му Цинчжо тревожно ёкнуло. Неужели и на личном фронте у него проблемы? Да что ж за жизнь такая?

Дуань Аньло смерил его взглядом, полным разочарования.

— Наверняка из-за твоего характера. Вечно говоришь одно, а думаешь другое, корчишь из себя ледяную глыбу. Внутри всё кипит, как в котле, а на лице — холоднее собачьей задницы. Какая девушка на тебя посмотрит?

Терпение Му Цинчжо лопнуло.

— Не лезь не в своё дело!

Дуань Аньло посмотрел на него с ещё большим презрением.

— В твоём возрасте у людей уже дети отцами звали.

— Ты ведь тоже не женат!

— А ты на что? Ты же зовёшь меня отцом. Мы, практики, страдаем от «трёх вредов и пяти изъянов». Ты мой сын, так что будь осторожен, как бы на тебя не перешло.

— Ты... — подбородок молодого господина Му задрожал от гнева.

— Хороший мой, — отеческим тоном продолжил Дуань Аньло, — впредь не смей меня злить и перечить мне. Можешь сомневаться в моих словах, но не произноси этого вслух. Даже взглядом не показывай. Ты же видишь, здоровье у меня слабое. Разозлюсь — и умру. А умру я — останешься ты без отца.

Молодой господин Му выдавил сквозь зубы:

— Я! Ты!.. Ладно!

Дуань Аньло похлопал себя по груди. Полегчало. В следующий раз, когда этот бунтарь посмеет на него голос повысить, он просто притворится мёртвым. По-настоящему, с задержкой дыхания. До смерти его напугает.

Сидевший за рулём Цзян Фэн изо всех сил притворялся глухим. Уровень страха, который внушал ему Дуань Аньло, подскочил ещё на несколько пунктов. Его молодой господин оказался в полной власти этого человека, даже возразить не мог.

Оставшиеся два часа пути отец и сын не проронили ни слова. В основном потому, что Дуань Аньло и впрямь захотелось спать — прошлой ночью он не удержался и до полуночи сидел в телефоне. Му Цинчжо пытался задавать вопросы, но наткнулся на непробиваемую стену: «Небесные тайны не разглашаются, иначе отец лишится нескольких лет жизни».

Машина доехала до окраины, за пятым транспортным кольцом, и остановилась у входа в ветхий переулочек. Цзян Фэн посмотрел на навигатор.

— Молодой господин, дальше машина не проедет, слишком узко. До места ещё метров сто.

Дуань Аньло, до этого мирно дремавший, открыл глаза.

— Хочешь зайти ко мне в гости? — лениво спросил он.

Му Цинчжо вспомнил слова деда: нужно запомнить адрес, и если на праздники не получится приехать самому, то хотя бы подарки прислать.

К тому же, это была возможность прощупать почву.

— Раз уж приехал, почему бы и не заглянуть, — он вышел из машины.

Прошлой ночью прошёл дождь, и им пришлось идти по скользким, щербатым плитам из синего камня. В самой глубине переулочка они остановились перед самым обветшалым домом.

Облупившаяся краска свисала со стен лохмотьями, обнажая красноватую кирпичную кладку.

Окна были заклеены бумагой, большей частью промокшей от дождя, сквозь которую виднелись серые стены внутри.

Полумёртвый плющ цеплялся за стену, его пожелтевшие листья шуршали на ветру. Вид был как у настоящего заброшенного дома.

Му Цинчжо за всю свою жизнь не видел такого убожества.

— Ты что, здесь живёшь? Ты же великий мастер!

Дуань Аньло вскинул бровь.

— Чему ты удивляешься? Я ещё сдерживаюсь, чтобы не выкопать этих бездельников и не выпороть их как следует.

В гостиной, у алтаря, сидел мальчик и с несчастным видом корпел над домашним заданием. У

него было милостивое детское лицо, невысокий рост и короткие волосы, которые он старательно уложил так, чтобы казаться выше сантиметров на восемь.

Но это не сильно помогало.

Увидев Дуань Аньло, Цзян Юань с укоризной спросил:

— Шицзу, вы опять уходили один? У вас же слабое здоровье, вам нельзя выходить без сопровождения.

Заметив вошедшего следом Му Цинчжо, он проглотил оставшиеся упрёки.

— А это кто?

Дуань Аньло легонько хлопнул Цзян Юаня по макушке. Этот ребёнок вечно витал в облаках — стоило ему рассердиться, уснуть или разволноваться, как его душа тут же покидала тело.

И без того умом не блистал, а от этого становился ещё глупее.

Одного шлепка хватало, чтобы вернуть его на землю на несколько дней.

— Юань'эр, это мой новоиспечённый крёстный сын. Вы ровесники, так что ладьте.

Цзян Юань глубоко вздохнул.

— Крёстный сын...

Глава школы Цзян с несчастным видом принялся загибать пальцы. Сын шицзу, кем же он ему приходится?

— У меня что, появился пра-пра-прадедушка?

Глаза Му Цинчжо заблестели. Такой высокий статус?

— Он зовёт меня отцом, а ты его — братом. Каждый обращается по-своему, — отрезал Дуань Аньло.

Цзян Юань: хи-хи.

Му Цинчжо: не хи-хи.

Взгляд его упал на тетрадь Цзян Юаня, испещрённую красными крестами. От такого зрелища рябило в глазах.

Цзян Юань в панике принялся собирать свои вещи, чтобы посторонний не увидел его позор.

— Ничего страшного, — успокоил его Дуань Аньло. — Читай ту страницу, на которую ветер дует. Какую не понимаешь — вырывай. Останутся только те, что знаешь.

Он и сам поначалу злился, что единственный ученик Сюаньмэнь оказался таким бездарем.

Но потом, вспомнив о своей привычке защищать своих, Дуань Аньло преисполнился жалости. Этому ребёнку, должно быть, пришлось нелегко, в одиночку поддерживая всю школу.

Наверное, он просил милостыню под палящим солнцем и падал в обморок от жары. А может, в

лютую зиму, в тонкой одежонке, дрался с собаками за еду, и проигрывал...

Дуань Аньло смирился. Кто-то же должен быть бездарем, почему бы и не он?

Пусть он легкомысленный, глупый до смешного, бестолковый до слёз, духовной силы в нём меньше, чем в обезьяне, а таланта не хватает даже на то, чтобы коня вести, зато он почтительный, добрый, умеет чинить двери, да и ест хорошо — по три миски за раз.

Он быстро себя убедил. У его маленького внука-ученика всё-таки много достоинств.

Вытащив из кармана бирюзовый колокольчик, Дуань Аньло, держа его двумя пальцами за шнурок, помахал им перед носом Цзян Юаня.

— Держи, игрушка.

— Спасибо, шицзу! — Цзян Юань радостно схватил колокольчик обеими руками.

Чистая даосская энергия, исходившая от него, взбодрила юношу. Сразу видно — бесценное сокровище.

— Шицзу, где вы его достали? У моего друга-даоса есть похожий, но энергия в нём не такая чистая. Говорят, его наставник потратил на него сто сорок тысяч, всё состояние отдал.

— Подарили, — небрежно бросил Дуань Аньло. — Играй. Долг я уже вернул.

В конце концов, он спас тому человеку жизнь. Через пару дней старый даос будет благодарить судьбу, что обменял колокольчик на жизнь.

В это самое время даос Ци уже жалел, что не добавил Дуань Аньло в друзья. Он получил уведомление от Ассоциации о поездке на северо-запад, а этот юноша умел предвидеть будущее куда лучше него.

Му Цинчжо только недавно оправился от травм и быстро уставал. Он огляделся в поисках места, где можно было бы присесть, но не нашёл ничего подходящего.

Здесьнюю обстановку можно было описать одним словом: абсурдная нищета.

Так называемый «Музей народных обычаев» представлял собой хаотичное нагромождение предметов. В больших музеях есть тематические залы и выставки, а здесь, в последнем оплоте Сюаньмэнь, всё было свалено в одну кучу.

В углу громоздились мотыги, корзины, табуретки и плуги.

Табличка «Сокровище музея» висела на обветшалых свадебных носилках, в которых с трудом угадывалось их первоначальное назначение.

Выражение лица Му Цинчжо было слишком красноречивым, и Цзян Юань поспешил с объяснениями:

— Это хорошая вещь! Ко мне тут из одной съёмочной группы приезжали, триста юаней предлагали, я не продал.

Из вежливости Му Цинчжо лишь натянуто кивнул.

«Этот парень, кажется, не в себе. За этот хлам триста юаней — уже удача, а он ещё и гордится».

Дуань Аньло зажёл благовония перед поминальными табличками своих учеников и, взяв с алтаря подношение, принялся есть, попутно отдавая распоряжения Цзян Юаню:

— Свали всё это барахло на склад. Со стены всё сними. Найди кого-нибудь, пусть сделают побольше табличек. Всех мне сюда: лис, ласок, ежей, змей, мышей.

— Сто будд, сто даосских бессмертных, сто народных божеств, сто призраков подземного мира — всех поставь на алтарь.

— Мне не важно, кто они и откуда. Главное, чтобы по первому зову являлись. Кто не послушается — пусть убирается, я тут бездельников кормить не собираюсь.

— Ах да, бога богатства поставь в центре.

Цзян Юань, подражая ему, тоже взял с алтаря угощение.

— Шицзу, зачем так много? У нас же ещё ни одного духа нет.

— Дурень, не можешь пригласить — поймай, — Дуань Аньло отобрал у него рисовое печенье и дал другое, из своей руки.

«Вот же глупыш. Я ем — это мне покойные ученики дань уважения отдают. А ты ешь — значит, у предков ворует. Не боишься, что они ночью придут и задницу тебе надерут?»

Цзян Юань почесал затылок и, жуя, принялся за работу. Впервые слышал, чтобы божеств не приглашали, а ловили.

Хотя шицзу жил в эпоху перемен, но даже тогда, в древности, божеств почитали. А он их ловить собрался. В своё время его бы сочли настоящим бунтарём!

«Предок велик!»

«Предок крут!»

Восславив Дуань Аньло всеми известными ему словами, Цзян Юань вдруг вспомнил:

— Шицзу, мой друг сказал, что скоро придёт.

— Знаю. Минут через пять, — Дуань Аньло повернулся к застывшему столбом Му Цинчжо. — Тебе пора. Запомни дорогу, через три дня ты снова сюда придёшь.

— Я ещё немного подожду, — Му Цинчжо собирался уходить, но теперь передумал. Ему стало интересно, откуда Дуань Аньло знает всё с точностью до минуты.

Если он и впрямь так всеведущ, то к его словам о втором дяде стоит отнестись серьёзно.

В этот момент в переулок свернул серый трёхколёсный электроскутер. Маленький, метра два в длину и метр в ширину, он едва вмещал троих.

Машинка остановилась у входа, и из неё выскочил юноша примерно того же возраста, что и Цзян Юань. Озираясь по сторонам, словно воришка, и убедившись, что вокруг никого нет, он

бросился внутрь.

На дворе стоял конец мая, температура днём поднималась за тридцать, а он был одет в плащ и шляпу, закутан с головы до ног, виднелись только глаза.

Густые брови, большие, выразительные глаза.

— Юань'эр? Ты вернулся?

— Хань Чжэнь, это ты! — Цзян Юань отложил тряпку и пошёл ему навстречу. — Ты чего так закутался? Скоро праздник драконьих лодок, в котёл собрался?

— Не до шуток, — Хань Чжэнь был на грани слёз. — Спасай меня, я беременен какой-то дрянью!

Цзян Юань посмотрел на него как на сумасшедшего.

— Ты вообще слышишь, что говоришь?

Хань Чжэнь распахнул плащ, демонстрируя выпирающий живот.

— Смотри!

Цзян Юань отскочил на два метра.

— Твою мать! Ты сколько дней не какал?

Даже Дуань Аньло, при всей своей невозмутимости, почувствовал укол усталости.

— Ты что, не видишь ауру вокруг него? Злоба, призрачная энергия, демоническая ци — всё это так и прёт, скоро живот разорвёт.

«Сколько дней не какал... И как ему такое в голову пришло?»

<http://bllate.org/book/13676/1211731>